

- Что смешного, мальчик? – Спросил Роберт, надвигаясь на своего оруженосца со всей яростью, на которую только был способен в данной ситуации.

Улыбка вмиг испарилась.

- Н-ничего, ваша милость.

- Правда? – Роберт пристально глядел на мальчика и прикладывал все усилия, чтобы не взорваться... от смеха. – Ты слишком хорош, чтобы смеяться над шуткой командира королевской гвардии?

- Я...

- Ну, хватит. – Рассмеялся Роберт, наслаждаясь первой победой за этот день, пусть и одержанной словом, а не мечом. – Шевели задницей, и пусть кто-нибудь приготовит мне ванну. От меня воняет, как от лошади.

- Да, ваша милость! – Лансель поклонился и тут же выбежал со двора.

Вздыхнув, Роберт нацепил на пояс "Погибель Драконов" и приказал Барристану встать в строй.

- Давай, Барристан. Пройдёмся пешком... одни боги ведают, сколько времени понадобится этому бесполезному куску золотого дерьма, чтобы выполнить приказ.

Барристан молча встал позади Роберта, и вместе они проделали короткий путь от тренировочного двора до богороши в Красном Замке.

«Если бы только ты была со мной. – С грустью подумал Роберт, когда они с Барристаном стали пробираться сквозь ряды цветов и растений, украшавших богорощу. – Мне... не с кем разделить всё это. Даже Семь Королевств не смогут заполнить ту дыру, которую оставила во мне твоя смерть. Хотя временами... Боги, я думаю, хотела бы ты вообще быть здесь, в этой выгребной яме? Ни одного дерева, которое напоминало бы тебе о доме. Нет открытых полей, по которым можно проехать. И... Захотела бы ты вообще быть со мной?»

Услышав сопение, за которым последовал чей-то плач, Роберт прервал прогулку и стал оглядываться по сторонам.

- Барристан. – Окликнул Роберт, заметив кое-кого в богороше. – За кем сегодня поручено присматривать Дубовому Сердцу?

- За вашими детьми, ваша милость. – Немедленно ответил Барристан.

Поморщившись, Роберт решил было оставить всё как есть, но тут его заставил замереть на месте еще один резкий возглас.

«Будь оно всё проклято Семейю Преисподними. Повернувшись на пятках, он направился к месту, где стоял Дубовое Сердце; тот выглядел явно неловко, когда наконец заметил, что Роберт и Барристан приближаются к нему.

- Ваша милость! - Почти прокричал Дубовое Сердце и встал прямо, словно ему в спину воткнули прут.

Роберт резко кивнул ему в знак приветствия, а затем обратил внимание на источник шума. Он не знал, что ожидал увидеть, когда посмотрел вниз, но Мирцелла, держащая на руках плачущего Томмена с красным свертком, разложенным перед ними... это точно не та сцена, к которой он был готов.

«Две златовласые головы... но они не должны быть такими. Они должны быть темноволосыми... как у моей любимой. Черные волосы и глаза цвета шторма. А не золотоволосыми и зеленоглазыми, как моя сука-королева»

- Мирцелла, Томмен. - Подозвал он, присаживаясь на корточки рядом.

Роберт не был уверен, что было хуже. То, что Томмен издал изумленный возглас и крепче обнял сестру. Или то, что Мирцелла посмотрела на него взглядом, не свойственным девочке её возраста. Или может быть её ровный тон, когда она ответила "ваша милость", а не "отец", не "Роберт". Просто... "ваша милость". Как будто она вовсе не была его дочерью. Он не знал почему, но это причинило ему боль. Дыра, появившаяся после потери Лианны, холодный тон его дочери и её реакция, когда она крепче прижала к себе брата, словно защищая... от этой пустоты внутри как будто пыталась сожрать его целиком

«Клянусь богами... неужели я настолько дерьмовый отец, что мои собственные дети ведут себя... вот так?»

- Что происходит, дети? - Спросил он, стараясь сохранить спокойный тон перед слегка диковатым взглядом дочери и явно страдающим сыном.

Взгляд Мирцеллы ещё сильнее ожесточился, и она крепче прижала к себе Томмена.

- Почему тебя вас волнует... ваша милость?

Роберт не смог погасить вспыхнувшее раздражение и набросился на неё.

- Мне не всё равно, потому что я твой отец, черт возьми!

Мирцелла вздрогнула, а Томмен вновь заплакал. Король почувствовал себя полным дерьмом.

Мне жаль. – Сказал он, борясь с раздражением и пытаясь вернуть спокойствие. – Пожалуйста, Мирцелла. Томмен. Я... я ваш отец. Не только король. Поговорите со мной. Расскажите, что происходит. И что это?

Взгляд Мирцеллы лишь слегка смягчился, а слёзы Томмена падали реже. Но ни один из них не ответил ему. Протянув руку к красному свертку, Роберт приподнял угол ткани и посмотрел, что там внутри. И взору его предстали плоть и кровь. К счастью, плоть и кровь животного. Животного, с которого, судя по всему, только что сняли шкуру.

Волна желчи поднялась в его горле, когда он вспомнил, как в прошлый раз ему принесли красный свертки, пропитанный кровью.

«Хватит. – Укорил он себя. – Они были драконьим выводком и детьми той шлюхи. Они не заслуживают жалости»

- Что это? – Мягко спросил он, стараясь, чтобы ни один из детей не увидел внутри изуверное существо.

- Это Сир Пранс.*

Сердце Роберта пропустило удар, а лёгкие как будто отказались впускать в себя новую порцию воздуха.

«Сир Пранс? Так Томмен назвал олененка, которого я приказал подарить... ему»

Сместившись так, чтобы дети ничего не увидели под красной тканью, Роберт вновь приподнял её и уставился на животное, с которого содрали шкуру. Это действительно был олененок. Его шею мягко обхватывал черно-желтый ошейник.

- Кто это сделал?" – Дети не ответили и даже не взглянули на него. Тогда он обратился к Дубовому Сердцу. – Дубовое сердце. Ответь мне. Кто. Это. Сделал.

Мужчина выглядел более чем неловко и переминался с ноги на ногу.

- Королева приказала никому не говорить...

- Мне плевать, что приказала эта сука! – Роберт вскочил на ноги, о чем тут же пожалел, поскольку это заставило Мирцеллу и Томмена захныкать и прижаться друг к другу. – Я хочу знать, кто это сделал. Сейчас же.

Дубовое Сердце колебался лишь мгновение, прежде чем сказать ему.

- Наследный принц, ваша милость. Он сказал, что ни один уважающий себя лев не захочет олененка, ведь львы едят оленят. Кронпринц сказал принцу Томмену, что Прайд голоден.

Роберт почувствовал, как в нем вспыхнула ярость.

Прайд – домашний лев, которого Тайвин прислал в Королевскую Гавань на день именин Джоффри. Роберт был не рад тому, что держал зверя в Красном замке. В отличие от волков, которые следовали за Старками по пятам, это животное не было приручено или дрессировано. А ведь это был не львёнок, а почти взрослый лев. И у него была привычка пытаться цапнуть или укусить любого, кто хотя бы приблизится к нему. На самом деле, он практически всё время сидел в комнате Джоффри, запертый в клетке с цепью на шее, чтобы не причинить вреда слугам. Черт возьми, даже несмотря на эти меры предосторожности, зверь всё равно умудрился покалечить троих слуг, и Роберт до сих пор не мог понять, как ему это удалось.

Да, до сих пор.

Теперь, узнав, что случилось с домашним оленёнком Томмена и о том, что Джоффри захотел скормить его зверю... Он мельком слышал слухи про то, что Джоффри мучает своих слуг, заставляя их просовывать руки сквозь прутья клетки Прайда. Но он счёл это всего лишь слухами. Тем более что он так и не смог найти ни раненых слуг, ни даже тех, кто об этом шептался. Но теперь... может быть, в этом есть доля правды?

Повернувшись спиной к своему королевскому гвардейцу, Роберт вновь опустился на колени рядом со своими детьми. Руками Роберт начал копать неглубокую могилу для ручного олененка своего сына. Когда яма стала глубиной до локтя, он положил олененка в яму и медленно засыпал бедное существо. Закопав останки, он сел и обратился к детям.

- Идите сюда, Мирцелла, Томмен.

Они двигались медленно, осторожно, с изрядной долей опаски, что вызвало ещё одну волну боли в груди Роберта. Но в конце концов они подошли к нему и сели на колени. Обхватив обоих руками, он прижал их к себе, мысленно проклиная ту жесткость и отчуждённость, которую ощущал от каждого из них. Он помнил, как его мать и отец делали с ним именно так, когда он был ещё мальчиком, прежде чем его отправили в приемную семью. От таких посиделок ему всегда становилось легче. Может, это сработает и с его детьми?

- Простите меня, Томмен, Мирцелла. – Роберт изрядно удивился из-за слов, что невольно вырвались из него. А также из-за того, что сказал он их искренне. – Я был дерьмовым отцом. И мне жаль. Я знаю, что одних слов мало... но просто знайте, что мне жаль. И я обещаю, что с этого момента я буду гораздо лучшим отцом. Я буду защищать вас, как и положено отцу.

Томмен в конце концов расслабился настолько, что положил голову на грудь Роберта. Но

Мирцелла, его прекрасная дочь, всё ещё сопротивлялась.

- А что, если нам понадобится защита от Джоффри и матери?

Примечание переводчика

Пранс* - на русском не особо звучит, так что оставил английскую версию. Прайда (льва Джоффри) не изменил по той же причине.

<http://tl.rulate.ru/book/61109/1790298>